

Первый роман

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

РОСМЭН

Первый роман

Вера и Марина Воробей

Не надо меня прощать

«РОСМЭН»

Воробей В.

Не надо меня прощать / В. Воробей — «Росмэн», — (Первый роман)

В класс, где учатся наши герои, пришла новенькая – Зоя Колесниченко. Ее появление в классе произвело настоящий переполох: она принесла в школу кота, которого не с кем было оставить дома, а один он орал так, что жаловались соседи. Очень скромная и стеснительная по натуре, Зоя неожиданно для себя впервые в жизни влюбилась в Вадика Фишкина, который давно и безнадежно влюблен в признанную красавицу Лу Геранмае. Будет ли Зоина любовь взаимной? Поймет ли Фишкин, что внешность не главное, когда речь идет о любви?

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	9
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера и Марина Воробей

Не надо меня прощать

1

Приход в класс новенькой – всегда событие, даже если эта новенькая оказывается на первый взгляд скучной и обыденной, как тетрадка в клетку. Во всяком случае, облик Зои Колесниченко ничем не выдавал ее самобытности или яркой индивидуальности, даже если таковые имели место быть. Но ведь часто первое впечатление бывает ох как обманчиво!

Необычайные вещи начали происходить буквально с первого дня. Нет, поначалу все шло как всегда: Люстра привела Зою в класс, представила ее ребятам и велела ей занять любое свободное место. Никого не удивило, что Зоя решила сесть за последнюю парту, тем более что она оказалась совершенно свободной. Зоя еще не успела ни с кем познакомиться, поэтому ее желание сидеть на уроках в одиночестве было вполне объяснимым. Вот пройдет несколько дней, а может и недель, Зоя присмотрится к ребятам, с кем-нибудь подружится и найдет себе подходящего соседа или соседку. Так или примерно так рассуждали ребята, глядя, как робко и неуверенно пробирается Зоя (потому что слова «идет» или «шагает» тут совершенно неуместны) по проходу к самой последней парте третьего ряда. В руках у новенькой был пестрый пакет – единственное яркое пятно в ее облике, а за спиной болтался обычный, если, конечно, не приглядываться особенно, рюкзак.

Первым уроком в тот день была литература. Сидя, как обычно, за учительским столом, Люстра монотонным голосом диктовала биографию Гоголя, а ученики делали вид, что записывают в тетрадь столь ценные сведения. В сущности же, каждый был занят своим делом по той простой причине, что биографию великого русского писателя можно узнать из школьного учебника, которым, к слову сказать, и пользовалась Ангелина Валентиновна, не утруждая себя поисками более редких источников.

Урок успешно перевалил за середину, когда класс буквально вздрогнул от душераздирающего вопля.

– ...свою бессмертную поэ-э-э... – Недосказанное слово так и застряло в горле учительницы. – Ермолаев! – взвизгнула она в следующую секунду, уставившись на предпоследнюю парту третьего ряда. – Немедленно выйди вон!

Действительно, жуткий, ни на что не похожий звук шел именно оттуда. Но поверить в то, что человеческое существо, даже если оно и носит фамилию Ермолаев, способно исторгнуть из себя нечто подобное, было совершенно невозможно.

– А я тут при чем? – возмутился Юрка и обернулся назад. – Это там выло! – Он ткнул пальцем в сторону новенькой.

– Колесниченко! – снова заорала училка. – Встать!

Зоя обреченно поднялась.

– Это что еще за... Что еще за... Что за... – Нужные слова никак не приходили на язык учительницы русского языка и литературы.

– Не «что», а «кто». – Голос Зои звучал на удивление спокойно.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, Зоя водрузила на парту свой рюкзак (тот самый, который выглядел вполне обычным, если, конечно, особенно не приглядываться), расстегнула молнию и под пристальным наблюдением множества глаз вытащила из рюкзака здоровенного дымчатого кота. Только теперь некоторые, да и то немногие, отметили про себя, что форма-то Зоиногo рюкзака была не совсем обычной, да и по бокам имелись какие-то непонятного назначения сеточки в виде окошек.

– Ты зачем это кота в школу притащила? – Ситуация была настолько неординарной, что даже заставила Люстру изменить своему обычному агрессивно-хамскому тону.

Учительница выглядела обескураженной и даже жалкой. Она беспомощно хлопала рыжими, никогда не знавшими косметики ресницами и по-рыбьи шевелила ненакрашенными губами.

– А он не может без меня, – последовал спокойный ответ.

На лице новенькой отразилось смущение, но голос звучал твердо, и это несоответствие как-то обескураживало.

И как бы в подтверждение хозяйкиных слов, кот протяжно мяукнул и прильнул к Зоиной груди.

– Чак, маленький мой, – заворковала Зоя и принялась гладить кота по огромной щекастой голове.

– Это британец? – проявил неожиданный интерес Юрка Ермолаев.

Он вообще был находчивым и умел быстро осваиваться практически в любой, даже самой необычной ситуации.

– Да, – с гордостью кивнула Зоя, – британский голубой.

– К директору! – завопила вдруг Люстра. – Колесниченко, к директору!

Испугавшись ее неожиданного крика, кот взвыл, затем как-то странно изогнул тело и, с невероятной силой оттолкнувшись от Зои задними лапами, вырвался из ее рук. По классу прошел возбужденный гул. Прижав к голове уши, кот перепрыгивал с пары на парту, с ряда на ряд и стремительно мчался прямо к учительскому столу.

– Он сейчас накинется на меня! Уберите его! Поймайте! – заорала как резаная Люстра. – Я с детства котов боюсь! Я их ненавижу!

Еще секунда – и гладкошерстный возмутитель порядка прыгнул бы на учительский стол всеми четырьмя лапами...

Первым сориентировался Фишка – он успел-таки схватить обезумевшее животное за хвост, а потом за загривок. Люстра была благополучно спасена, но урок оказался сорванным.

Наконец училка, еще раз провизжав: «Колесниченко, к директору!» – но стараясь держаться степенно, покинула класс. Оставшись без надзирателя, девятый «Б» дал волю чувствам. Голубого красавца кота все еще крепко держал Фишкин, а тот только затравленно урчал, пытаясь освободиться.

– А можно его погладить? – спросила Каркуша у подошедшей сзади Зои.

– Ага, погладь, он давненько свежего мяса не ел! А тут само в пасть лезет! – заржал Юрка Ермолаев.

– Сейчас его лучше не трогать, он сильно напуган. – Зоя протянула руки, намереваясь забрать у Фишкина своего питомца. – Чак, солнышко, не бойся, иди ко мне, дурачок... Спасибо тебе, – застенчиво произнесла она, слабо улынувшись. – Если б ты не успел Чака поймать, он наверняка училку исцарапал бы!

Забирая кота, Зоя невольно прикоснулась к руке Вадима и смутилась окончательно. Сердце забилося неровными толчками, она почувствовала, как вспыхнули ее щеки. К счастью, Фишкин ничего этого не заметил. Он уже оживленно обсуждал с одноклассниками животрепещущую тему: что предпримет Люстра по поводу сорванного урока литературы? Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать. Дверь в класс распахнулась, и на пороге возник Леонид Сергеевич, директор школы. Позади него маячила Люстра, ее бесцветные глаза горели праведным негодованием.

Задав несколько вопросов, которые в такой ситуации интересовали бы любого уважающего себя директора школы, Леонид Сергеевич покинул девятый «Б», уводя за собой новенькую вместе с британцем, сидевшим теперь очень тихо в рюкзаке.

– Ну, что делать будем? Ты же понимаешь, что я не могу тебя к занятиям допустить с таким живым приложением? Постарайся его куда-нибудь пристроить, уж будь так добра...

Разговор происходил в директорском кабинете, где Зоя чувствовала себя немного уверенней, чем среди одноклассников. Леонида Сергеевича она почему-то не боялась. В конце концов он отпустил Зою домой, настоятельно порекомендовав в следующий раз приходить в школу одной.

Открывая дверь квартиры, Зоя уже знала, что бабушка еще не вернулась из Пскова, потому как они созванивались накануне вечером и бабушка сообщила, что задерживается. Стало быть, впереди свободный день и нужно в срочном порядке решить, куда девать капризное животное, которое совершенно не хотело оставаться одно в квартире. Чак всегда чувствовал, что за хозяевами вот-вот захлопнется дверь, и устраивал целое шоу с истошным мяуканьем, переходящим в жуткий вой, безумными метаниями по всей квартире и царапаньем всего, что попадалось в его острые когти.

Оказавшись на своей территории, Чак как ни в чем не бывало принялся ластиться к девочке, тереться об ее ноги и мурлыкать, задирая свою круглую морду.

– Ну что мне с тобой делать, паршивец? – пригорюнилась Зоя.

Она взяла Чака на руки, села в кресло и устало прикрыла глаза. Перед глазами поплыли картинки: вот Люстра приводит ее в класс, множество глаз устремлены на нее, отчего становится не по себе; вот перепуганный Чак несется по партам прямо к учительскому столу... Руки Вадима Фишкина, крепко сжимающие кота. Ее приятно удивило, что она запомнила эти руки в деталях, хотя времени, чтобы рассмотреть их, у нее не было.

Зоя хорошо знала свои недостатки: и застенчива она не в меру, и в себе не уверена, и красноречие явно не ее конек. Но в наблюдательности ей отказать было нельзя. Руки этого мальчишки чем-то волновали ее и будили какие-то смутные ощущения. Зое очень нравились длинные тонкие пальцы. Обычно их называют музыкальными. У этого парня, теперь ее одноклассника, были именно такие пальцы, с аккуратно подстриженными красивой формы ногтями, а кисти рук – узкие и вытянутые, «породистые», как сказала бы бабушка.

Мысленно Зоя удивилась, что запомнила имя и фамилию мальчишки. Как же ей это удалось? Откуда она знает, что его фамилия Фишкин, а имя Вадим? Зоя припомнила, что одноклассники называли его Фишкой, а маленькая черноволосая девочка с короткой стрижкой мимоходом назвала его Вадиком. Возможно, она просто догадалась, что кличка образована от фамилии? Нет. Вспомнила! Люстра, когда привела в класс директора, так и сказала: «Если бы Фишкин его не поймал, этот бешеный кот изуродовал бы мне все лицо!»

«Не удивлюсь, если окажется, что он играет на чем-нибудь вроде гитары. А может, еще и поет? – неожиданно подумала Зоя, но тут же одернула себя: – Что это я? Может, и поет, что в этом плохого? И вообще мне сейчас не о Фишкине каком-то нужно думать, а о коте! Куда я его завтра дену?»

Вздохнув, она поплелась в прихожую, открыла дверь и вышла на лестничную площадку. Ей не хотелось обращаться к соседям, она вообще не любила обременять людей своими проблемами, но другого выхода сейчас не было. На ее робкий звонок дверь соседней квартиры открылась. На пороге стояла полная пожилая женщина в цветастом фартуке. Из глубины квартиры доносился умопомрачительный запах сдобной выпечки, и Зоя вдруг поняла, как она голодна. И неудивительно – с утра ничего не ела.

– Извините, у меня к вам просьба... Не совсем обычная, правда... – Зоя запнулась, а соседка одобрительно заулыбалась:

– Да говори уж, не стесняйся! Чем смогу, помогу...

– Вы не могли бы приютить моего кота, пока я в школе? Бабушка должна вернуться со дня на день, а он не может оставаться в квартире один, никак. Понимаете? Я все принесу – еду, туалет... Он вообще у меня смирный, только вот... – боясь отказа, чадила Зоя.

– Ну что с тобой делать, – еще шире улыбнулась соседка. – Приноси своего толстяка. Я кошек вообще люблю, особенно ласковых.

– Спасибо вам огромное! – облегченно воскликнула Зоя. – Тогда я завтра перед школой закину вам Чака, хорошо?

Родители Зои Колесниченко работали инженерами-радиоэлектронщиками на одном из оборонных заводов и в данный момент находились в Алжире на испытаниях какого-то нового шедевра радиотехники. Зою отправили к бабушке, Татьяне Ивановне, которая в свои шестьдесят четыре года обладала подвижной худощавой фигурой, ясным умом, отличной памятью и была, если выразаться молодежным сленгом, весьма продвинутой и легкой на подъем женщиной.

Получив телеграмму из Пскова, в которой сообщалось о болезни ее единственной сестры Валентины, Татьяна Ивановна не стала причитать и охать, а быстренько собрала вещички и укатила ухаживать за больной.

– Там я сейчас нужней, – сказала бабушка, справедливо полагая, что Зоя, сколько бы времени Татьяне Ивановне ни пришлось провести с сестрой, прекрасно управится и без нее.

И действительно, если не считать сегодняшнего инцидента, все у Зои шло отлично: в квартире было убрано, в холодильнике стояла большая кастрюля борща, который Зоя приготовила вчера вечером. Словом, девушка ощущала себя вполне взрослой и независимой, и, если честно, ощущение это ей нравилось.

2

– Слышали новый прикол? Люстра вечер поэзии для старшеклассников решила заму-
тить! Вот уж кое-кому нет покоя! Боже, за что нам это? – И Юрка Ермолаев картинно закатил
глаза, воздев руки к потолку.

– Небось наша поэтесса не упустит случая осчастливить нас своими гениальными творе-
ниями! – ехидно заметила Тополян.

Она намекала на Галю Снегиреву, которая действительно писала талантливые стихи и
даже заняла первое место на конкурсе молодых поэтов, став обладательницей гранда на изда-
ние собственного поэтического сборника и первой премии в размере двух тысяч долларов.

– А оценки выставят, или даром будем париться? – спросил меркантильный Фишкин, но
его актуальный вопрос повис в воздухе.

Вскоре слухи подтвердились. Ангелина Валентиновна, она же Люстра, действительно
начала урок с объявления: в следующую субботу состоится вечер поэзии. Можно читать стихи
любимых поэтов, можно спеть, лишь бы было интересно. По словам Люстры, мероприятие
обещало быть грандиозным.

Всю неделю Зоя провела в переживаниях и сомнениях: придется ли ей на виду у всех
декламировать своего любимого Вознесенского? Добровольное ли это дело или Люстра станет
тыкать в каждого указкой и тоном, не терпящим возражений, объявлять: «А теперь послушаем
тебя...» Если так, то радости от такого мероприятия мало.

У Вознесенского Зое нравилось почти все; многое, особенно из любовной лирики, она
знала наизусть. На ее книжной полке стояло несколько разрозненных сборников поэта, в основ-
ном подаренных ей друзьями и родителями, но ей очень хотелось иметь полное собрание,
стоившее немалых денег. В стихах Вознесенского Зою восхищали смелость рифм, острый,
неординарный взгляд на, казалось бы, простые, обыденные вещи, почти энциклопедическая
эрудированность... Пару лет назад Зоя была так потрясена «Мемориалом Микеланджело»,
что даже хотела написать поэту восторженное письмо, ей казалось, что без ее горячих излия-
ний слава Вознесенского не может быть полной. Как-то ночью она мысленно составила текст
письма, но наутро все слова показались ей излишне пафосными, а более подходящих слов на
ум не шло, и девушка оставила эту затею, но боготворить поэта не перестала.

И еще одно обстоятельство не давало Зое покоя. Все чаще девушка ловила себя на том,
что взгляд ее с завидным постоянством останавливается... на лице Вадика Фишкина. Зоя
мучилась от того, что, в конце концов, это привлечет внимание одноклассников, начнутся
насмешки, глупые шуточки, но поделаться с собой ничего не могла. Вадик Фишкин неумолимо
притягивал к себе ее внимание, и Зоя отчетливо понимала, что ей все труднее противостоять
его магнетизму. Иногда она пыталась поймать его взгляд, но, увы, это было невозможно: его в
общем-то обыкновенные серые глаза дольше секунды ни на чем и ни на ком не задерживались.
Его суетливо бегающий взгляд никогда не бывал спокойным или прямым. Казалось, Фишка
постоянно чем-то озабочен или у него что-то болит. На самом же деле Вадим чувствовал себя
вполне нормально, никакими особыми заботами обременен не был, а этот бегающий взгляд
достался ему по наследству от отца.

«Что со мной происходит? Неужели я... Да нет... Но почему же тогда я все время думаю
о нем?» – мучилась Зоя.

Она жалела, что до сих пор не обзавелась подругами в новом классе. В силу природной
застенчивости Зоя держалась особняком и несколько настороженно. Инстинктивно ощущая
это, одноклассницы не лезли к ней в душу и не набивались в друзья.

В пятницу, в конце урока, Люстра еще раз напомнила ребятам о предстоящем вечере.

– Надеюсь увидеть всех завтра в восемнадцать часов в актовом зале. От участия в вечере поэзии будут зависеть ваши годовые оценки, – строго сказала она на прощание.

Зоя пришла к актовому залу в числе первых, она не любила опаздывать. И не потому вовсе, что была так уж пунктуальна, а по причине все той же стеснительности – ведь когда входишь позже остальных, то привлекаешь к своей персоне всеобщее внимание, а вот этого – пристальных взглядов на себе – Зоя не любила больше всего на свете. Лицо ее сразу заливалось краской, в такие минуты она не знала, куда девать руки, и вообще сама себе казалась нелепой и жалкой, испытывая одно-единственное желание: немедленно провалиться сквозь землю.

Возле актового зала топтались Люся Черепашкина, которую Зоя знала по молодежной телепрограмме «Уроки рока», и ее закадычная подруга Луиза Геранмае. Невольно Зоя приостановилась, не в силах отвести восхищенного взгляда от умопомрачительного наряда Лу. На той была короткая белоснежная юбка с поясом в виде серебряной цепочки и розовый пиджачок из тончайшей кожи, едва доходивший до талии. На плече у Лу болталась светло-розовая сумочка, отороченная белым мехом, а стройные ноги, обтянутые ажурными колготками, в серебряных туфельках на довольно высокой шпильке казались нереально длинными. Впрочем, они и на самом деле были таковыми.

– Привет! Какая ты сегодня красивая! – неуверенно улыбнулась Зоя, подходя к девушкам.

– А в другие дни я страшная, что ли? – беззлобно проворчала Лу.

– Да нет, что ты... Я вовсе не то имела в виду... – немедленно покраснела Зоя, но Черепашка ободряюще прикоснулась к ее руке:

– Не обращай внимания, просто у Лу сегодня настроение плохое, а в таких случаях она всегда уделяет своей внешности максимум внимания. Ну, как бы назло своему мерзопакостному настроению...

Оглянувшись, Зоя увидела, что народу собралось предостаточно и актовый зал уже начал заполняться старшеклассниками. Она заметила, что те, кто переступал порог зала, почему-то приостанавливались, создавая толчею, отовсюду слышались удивленные возгласы. Зоя твердо решила держаться Черепашки и Лу. Рядом с ними она чувствовала себя как-то спокойнее.

По всему залу были расставлены столики, очевидно позаимствованные из школьного буфета. На каждом из них горели высокие свечи в простых керамических подсвечниках. Верхний свет отсутствовал, освещена была лишь сцена, и множество крошечных огоньков отражались в только что натертом паркете. Огромные окна были наглухо зашторены тяжелыми темно-красными портьерами. Все это убранство создавало атмосферу таинственности и в то же время уюта. Что и говорить, зрелище впечатляло!

Ребята оживленно рассаживались, подтаскивая к столикам стулья, стоявшие по периметру зала.

Черепашка решительно взяла Зою за руку и потащила к уже устроившимся поближе к сцене Кате Андреевой и Ире Наумлинской. Рядом с Катей примостилась Оля Ганичева по прозвищу Незнакомка, она училась в десятом. Не так давно у Незнакомки закончился короткий роман со старшим братом Каркуши, Артемом, но девушки продолжали дружить.

– Иди сюда! Отсюда все будет видно... Не возражаешь? А ты читать что-нибудь собираешься или к стихам равнодушна? – на ходу расспрашивала Люся послушно идущую за ней Зою.

– Да нет, наверное, я бы хотела просто послушать... если так можно...

– Можно, конечно, но лучше не нужно, – подала голос плетущаяся сзади Лу. – Люстра злопамятна, как индийская кобра. Всех воздержавшихся запомнит и начнет потом гнобить...

Усевшись наконец между девочками и с тоской посматривая на сцену, Зоя приуныла. Вот бы затеряться среди одноклассниц, чтоб никто ее не видел и не слышал. Она попыталась представить себя выступающей перед таким количеством народа и содрогнулась. Нет, никогда

она не сможет заставить себя встать и прочесть даже самое короткое стихотворение! От этих мыслей у Зои даже ладошки вспотели, и она незаметно, под столом, вытерла их о джинсы.

Между тем вечер благополучно начался. Выйдя на сцену и кратко сообщив о цели данного мероприятия – приблизить старшеклассников к непреходящим ценностям и развить в них чувство прекрасного, – Люстра уселась за свой столик и сделала приглашающий жест: дескать, прошу, выходи, кто самый смелый!

После довольно продолжительной паузы поднялся Паша Леонов из десятого «А» и, глядя в пол, пробубнил себе под нос стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». Раздались довольно жиденькие аплодисменты и приглашенные смешки. Люстра поморщилась:

– Леонов, никогда не поверю, что именно это стихотворение – твоё самое любимое. Поймите же наконец, что это не урок литературы! Ни мне, ни вам неинтересно слушать программные произведения! Вот вы же фигурное катание смотрели? Помните, там есть обязательная программа, а есть произвольная? Так вот у вас сейчас произвольная! Давайте читать свои любимые стихи, только не так, как Леонов, а с душой. А кто хочет, может спеть, пожалуйста!

– А станцевать можно? – попытался сострить Ермолаев, но Люстра, не поддержав шутки, зловеще процедила, даже не взглянув в его сторону:

– Тебе, Ермолаев, в виде исключения разрешается.

Старшеклассники отозвались дружным хохотом, и после этого атмосфера в зале заметно разрядилась. Магия поэзии постепенно захватила всех, и в глазах даже самых заядлых скептиков появилась некоторая заинтересованность.

– Слушай, Лу, тебе не странно слышать от Люстры такие продвинутые речи? Ну, по поводу стихов, – пояснила Черепашка, обнаружив, что подруга не очень внимательно ее слушает. – С каких это пор ей стали небезразличны наши пристрастия в поэзии? Мы ведь можем что-нибудь совсем неординарное выдать...

– А что, такие речи ей не свойственны? И почему у нее такое странное прозвище – Люстра? – решила спросить Зоя, пытаясь посторонними разговорами отвлечь себя от изнурительного ожидания собственного позора.

В том, что ее выступление будет позорным, она нисколько не сомневалась. От страха Зоя позабыла все стихи, которые знала наизусть, даже самые любимые. Стоит ей только открыть рот, как она тут же начнет заикаться, краснеть и бледнеть. Но Черепашка и все остальные, сидевшие за столиком, даже не подозревали о Зоиных мучениях.

– Просто ты еще, наверно, не заметила, а мы-то все знаем, что у нашей Ангелины Валентиновны взгляд на литературу окостенел еще в младенчестве! – объяснила Люся Черепашкина, придвинувшись поближе к Зое. – Меня, например, раздражает, что я почему-то должна повторять мысли и суждения других людей, пусть даже критиков, известных и общепризнанных! А если у меня, у тебя, у каждого есть свое собственное мнение? Короче, тоска... А Люстрой ее Юрка Ермолаев окрестил – он у нас приколист! За чрезмерную любовь к Маяковскому: «Светить всегда, светить везде...» Она их к месту и не к месту просто обожает цитировать.

Нервно оглядевшись по сторонам, Зоя увидела Вадика Фишкина, и ее сердце, вопреки желанию, болезненно сжалось и ухнуло куда-то вниз. Он сидел поодаль, чуть сгорбившись и опершись локтями о гитару, лежавшую у него на коленях.

– А что, Фишкин петь будет? – снова подала голос Зоя.

– Ну да, – презрительно фыркнула черноглазая Лу. – Басков наш доморощенный! Вот увидите, шас как затянет что-нибудь из Есенина, чтоб Люстре угодить...

– Басков не играет на гитаре, – возразила Каркуша. – Тогда уж, скорее, Малинин или там Окуджава...

– Да какая на фиг разница! На гитаре, или на шарманке, или на губной гармошке! Ему лишь бы выпендриться и пятерку заработать! – не унималась Лу.

То и дело Зоя поглядывала в сторону Фишкина, с нетерпением ожидая его выхода. И вот когда между выступлениями чтецов образовалась очередная пауза, она увидела, как он встал со своего места и, сжимая в руке гитару, вразвалочку двинулся к сцене. Его появление перед публикой было встречено всеобщим оживлением, так что бдительная Люстра даже попыталась призвать к порядку развеселившихся старшекласников:

– В чем дело? Что это вас так развеселило, хотелось бы мне знать?!

Но строгий голос Люстры потонул в море оживленных голосов:

– Давай, Фишка! Сбавь нам что-нибудь, чтоб душа свернулась, а потом развернулась!

– Фишка, даешь Высоцкого! Нет, лучше БГ!

Кто-то даже засвистел, не в силах сдержать эмоции.

Фишкин важно раскланялся и поднял правую руку, как бы прося тишины.

– Слова Есенина, музыка моя... Так уж вышло, извините, – с преувеличенной скромностью объявил он, ударил по струнам и резко вскинул голову, приготовившись петь.

– Ну, что я говорила? Я этого Фишкина насквозь вижу! – возмущенно воскликнула Лу.

Сегодня она явно была не в духе.

– Чего ты к нему привязалась? Пусть поет себе, тем более парень сам музыку сочинил! – не выдержала сидевшая до этого молча Ира Наумлинская.

– Уж конечно, так я и поверила! Небось стырил у кого-нибудь, – никак не могла угомониться Лу.

Фишкин был давним ее поклонником, практически с первого класса, правда Лу никогда не давала ему надежды. Да Вадим и не стремился добиться взаимности, он просто тихо обожал ее издали, что, впрочем, не мешало ему закрутить роман с Каркушей после того, как ее фотографию напечатали на обложке журнала «Крутая девчонка». Лу была уверена, что Фишкиным движет что угодно, но только не искренние чувства к Каркуше, но все-таки их отношения, демонстрируемые всему классу, оставили в ее душе неприятный осадок.

Тем временем Фишкин тряхнул своими роскошными густыми волосами, доходившими до плеч, и запел красивым, чистым голосом:

Гой, ты Русь моя родная,
Хаты – в ризах образа...

Зал притих. Зоя, замороженная каким-то особенным, чарующим тембром его голоса, не в силах пошевелиться или сказать что-нибудь, не отрываясь, смотрела на Фишкина. Ее большие серые глаза с загнутыми кверху густыми ресницами стали еще огромнее, в них выступили слезы. Почему она вот-вот заплачет, Зоя и сама толком не понимала, да и не хотелось ей размышлять над этим. Вообще, что с ней происходит? Почему она готова всю жизнь вот так сидеть и не отрывать взгляда от его лица, от его изящных рук, легко порхающих по струнам гитары? Почему она мечтает только об одном: слышать его голос каждое мгновение своей жизни?

– Эй, подруга! Ты чего это, а? На платок, а то глаза потекут! – всполошилась Каркуша, сидевшая напротив Зои и заметившая перемены в ее облике.

– Да нет, все в порядке... Просто пламя колышется, и у меня глаза стали слезиться... У меня всегда так бывает, когда долго на свечу смотрю, – мгновенно нашлась Зоя.

Она с ужасом подумала, что кто-нибудь может догадаться об истинной причине ее слез.

Фишкин уже сел на место, провожаемый дружными аплодисментами и восторженными возгласами, а Зоя никак не могла выйти из странного оцепенения. Ей было комфортно и радостно, она ощущала себя безумно счастливой, и в то же время ей почему-то стало жалко всех собравшихся в этом зале, включая себя саму. Жалко до боли в сердце, и захотелось вдруг разреваться, как в детстве, не сдерживая себя, взхлеб, и чтобы размазывать кулаками по щекам слезы.

– Зоя, может, тебе пора выступить? – толкнула ее в бок рассудительная Люся. – А то, смотри, Люстра на тебя зубы точит из-за кота, так ты хоть сейчас попробуй хорошую оценку заработать, в любом случае не вредно ведь!

– Ну-у да... Ты вообще-то права, наверное...

– Да не наверное, а точно! Ты думаешь, Люстра такая добренькая, что простит сорванный урок? Тобой, между прочим, сорванный! Ты у нее в «черном списке»! Впрочем, я тебя не уговариваю, дело твое.

– Да уж, Люстра и доброта – вещи несовместимые, – поддакнула Лу.

Обреченно вздохнув, Зоя собрала все свое мужество и неуверенно поднялась из-за стола.

«Что я делаю? Сейчас он увидит меня во всей красе – красную, заикающуюся от волнения – и будет снисходительно усмехаться моему жалкому виду».

Эта печальная мысль пронеслась в голове у Зои, пока Люстра в очередной раз призывала ребят к порядку.

Зоя вопросительно посмотрела на Люстру и уже открыла рот, чтобы скорее выпалить скороговоркой то, что она приготовила, но вдруг совершенно неожиданно для себя звенящим от волнения, но твердым голосом начала декламировать совсем другое:

Не исчезай на тысячу лет,
Не исчезай на какие-то полчаса...
Вернешься Ты через тысячу лет,
Но все горит Твоя свеча,
Не исчезай из жизни моей,
Не исчезай сторяча или невзначай,
Исчезнут все,
Только Ты не из их числа,
Будь из всех исключением,
Не исчезай.

Зоя отчаянно выкрикивала в полумрак зала эти строки, и ей казалось, будто она сама их написала. Скорее, скорее, пока хватает решимости выплеснуть все то, что она не в силах удержать в себе, что рвется наружу из восторженной души! Мысленно она еще видела Вадима на сцене, его голос еще звучал в ушах, и сейчас Зоя обращалась к нему, вернее, к тому месту, где он стоял пять минут назад.

«Хорошо еще, хватило ума на него не смотреть... А как хотелось хоть разочек взглянуть, хотя бы украдкой! Боже мой, руки трясутся, сердце колотится... Безумие какое-то!» – мысленно казнила себя Зоя, с невероятным облегчением усаживаясь на место.

Вообще-то хорошо, что у Зои хватило ума не смотреть на Фишкина, потому что если бы она бросила взгляд в его сторону, то очень огорчилась бы. Похоже, Фишка не слышал ни одного слова из Зоинового выступления. В это время он бурно обсуждал с Кузьминым достоинства и недостатки новенькой «Моторолы», которой тот решил похвастаться перед одноклассниками.

3

– Что это ты, Зоенька, последние дни рассеянная какая-то? Посмотри, ты Чаку в миску макарон положила! Он их разве ест? – Татьяна Ивановна стояла на пороге кухни и внимательно разглядывала внучку.

Вернувшись от сестры, она с удовлетворением убедилась, что Зоя на самом деле самостоятельный, взрослый человек. Только... Вот уже несколько дней на лице внучки частенько появлялось мечтательное и вместе с тем печальное выражение. Будто мысли ее витают где-то далеко-далеко, в каких-то иных мирах и возвращаться к действительности в ближайшем будущем не собираются. Впрочем, так ведь оно и было.

Возвращаясь домой после того самого вечера поэзии, Зоя уже точно знала, что она любит Вадима. То, о чем она читала в романах, теперь происходило с ней самой и наполняло ее однообразную жизнь новым счастливым содержанием.

Любовь всегда была для Зои чем-то абсолютным и незыблемым, так уж она была воспитана, вернее, она так сама себя воспитала, с детства зачитываясь любовными романами.

Теперь по утрам, собираясь в школу, Зоя подолгу стояла перед бабушкиным трюмо пятидесятых годов прошлого века. Придирчиво разглядывая себя в зеркало, она поворачивала боковые створки так и этак, стараясь увидеть одновременно и свой профиль, и затылок. Ничего привлекательного, по ее мнению, она там не находила и очень комплексовала по этому поводу.

«Ну почему я такая некрасивая? – чуть не плача, думала девушка – Что это за нос с дурацкой горбинкой? А волосы? Какие-то перья торчат в разные стороны, даже стрижка не спасает! Еще и родинка на щеке... Одни глаза ничего, большие и ресницы загнуты вверх. Хотя ресницы могли бы быть и погуще. Ну, и зачем ему смотреть на такую „красавицу“, что он увидит? Жалкую серую мышь! А он... он необыкновенный, ни на кого не похожий, самый-самый лучший! И я так его люблю и всегда буду любить, а он даже не подозревает об этом. И никогда, никогда не узнает...»

Доведя себя до состояния полной безнадёги, Зоя с тяжелым сердцем отправлялась в школу. Она отчаянно завидовала Лу, ее эффектной экзотической внешности, ее умению независимо и как бы свысока обращаться с мальчиками. Инстинктивно Зоя старалась держаться поближе к красавице Лу. Ей нравилось наблюдать за ней: как та разговаривает, смеется, как сердится, нахмурив брови, – все в ней вызывало у Зои восхищение. Ей безумно хотелось быть такой, как Лу, – уверенной в себе, без комплексов по поводу внешности, независимой и решительной.

– Зоя, тебя к телефону! – донесся из прихожей бабушкин голос.

Девушка удивилась: кто бы это в половине десятого?

Держа в руке чашку с горячим чаем и прихлебывая из нее, Зоя прижала трубку к уху:

– Алло... Кто это?

– Привет! Это Вадим...

Сердце ухнуло куда-то вниз, Зоя едва не выронила из рук чашку, а на том конце провода между тем продолжали как ни в чем не бывало:

– Я, собственно, вот по какому вопросу... У тебя, случайно, нет какой-нибудь книжонки про Норвегию? Или там про Швецию? Ну, про любую скандинавскую страну, короче.

– Кажется, что-то такое должно быть... – Зоя судорожно соображала. – А зачем тебе?

– Да по географии реферат надо сварганить про быт и обычаи скандинавских стран! У меня там пропусков многовато, вот хочу исправить положение. Я уже почти всех обзвонил, везде облом...

– Да-да, я поищу обязательно и принесу в понедельник в школу. Хорошо?

– Не, не годится, – решительно возразил Вадим. – Мне завтра нужно. Хочу в выходной этим заняться, а то на неделе некогда будет.

– Но... как же быть? – спросила Зоя, слушая гулкие удары собственного сердца, оно вот-вот норовило выскочить наружу.

– Да очень просто, – последовал незамедлительный ответ. – Давай я к тебе забегу завтра с утречка и возьму книжку. О'кей? Адрес-то продиктуешь?

Зоя не верила своим ушам и своему счастью. Это что же получается? Всего через несколько часов она распахнет дверь, и ее любимый, единственный, самый дорогой на свете человек будет ходить по ее квартире, сидеть в ее кресле, рассматривать ее книги на полках, пить чай с пирожными? И она сможет вот так запросто болтать с ним о пустяках, а может быть, и о серьезных вещах, кто знает? А может, с этого нечаянного визита начнутся у них с Вадимом какие-то отношения, и она, пусть не сразу, конечно, но когда-нибудь все-таки сможет открыться перед ним, рассказать о своей любви? Все это казалось ей нереальным, сказочным сном, чем-то таким, чего в жизни просто не может произойти ни при каких обстоятельствах... В ее жизни, во всяком случае, точно.

Недавно Зоя, прочитав очередной любовный роман, спросила бабушку:

– Ба, а почему не принято девушке первой признаваться в любви своему парню? Ведь это несправедливо, ты как считаешь?

– Ну как тебе сказать, Зоенька... Нередко первая любовь бывает невзаимной... А в таком случае, сама понимаешь, девушка ничего, кроме унижения, а часто и насмешки взамен на свои чувства не получает.

– Я так не думаю, – возразила тогда Зоя. – Разве любовь – это унижение? Разве любить стыдно? Что-то ты, бабуля, недопонимаешь, прости.

И вот теперь, после неожиданного звонка Вадима, уже лежа в постели, Зоя представляла, какими словами она расскажет Вадиму о своей бесконечной, невыразимой любви.

«Он же совсем другой, необыкновенный, я уверена, он все поймет! По-другому просто и быть не может! – думала Зоя, растроганная собственными иллюзиями. – А что, если книжки только предлог? Что, если Вадим сам ищет встречи со мной? И неважно, что в школе он ведет себя так, будто у меня на голове шапка-невидимка!»

Разбушевавшаяся фантазия уносила девушку все дальше и дальше от реальности.

Проснувшись на следующее утро в прекраснейшем настроении, Зоя с особой тщательностью оделась и причесалась, дольше обычного вертась перед зеркалом. После придирчивого изучения своего гардероба она остановилась на бежевых расклешенных брюках и черном блузоне с открытым воротом из красивой переливающейся ткани. Зоя была уверена, что черный цвет ей к лицу, и это в самом деле было так.

– Куда это ты нарядилась с утра пораньше? – удивилась бабушка.

Глаза у внучки блеснули, а на щеках играл румянец, что являлось верным признаком сильного волнения.

– Ба, ко мне должны прийти, скоро уже, наверное... У нас есть что-нибудь к чаю? Только уж не печенье твое овсяное, понимаешь? Ну, тортик там или рулет с кремом, а?

– Да нет ничего такого... Что ж ты не предупредила заранее, я бы хоть пирожков с яблоками напекла!

– Бабулечка, миленькая, ну, пожалуйста, сходи в магазин, купи что-нибудь вкусненькое! – запричитала Зоя, нервно поглядывая на круглые настенные часы, висевшие над обеденным столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.